

ШОС как гибридный институт в условиях полицентричного миропорядка

Рустами СУХРОБ

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, rustami.sukhrob@urfu.ru

Дарья Алексеевна ПОРОШИНА

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, dashasemenikhina2003@mail.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ институциональной специфики ШОС через призму современных теорий международных отношений. Авторы исследуют, как организация балансирует между функциями обеспечения региональной безопасности (борьба с "тремя угрозами"), развития экономической кооперации (транспортные коридоры, энергетические проекты) и политического взаимодействия (поддержка многополярности). Особое внимание уделяется сравнительному анализу ШОС с такими структурами, как НАТО, ЕС и ОДКБ, что позволяет выявить ее уникальную роль в формировании альтернативных моделей глобального управления. Результаты исследования демонстрируют, что ШОС не стремится к глубокой интеграции, но эффективно функционирует как платформа для гибкого взаимодействия в условиях полицентричности. Организация выступает важным элементом постзападного миропорядка, предлагая альтернативные подходы к решению региональных и глобальных вызовов. Перспективы ШОС связаны с дальнейшим укреплением ее роли как многофункционального института, способного адаптироваться к меняющейся геополитической реальности, сохраняя при этом принципы суверенитета и многовекторности.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, гибридные международные институты, постзападный мировой порядок, суверенитет и невмешательство, региональная безопасность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда: проект № 24–28–01710 "Процессы регионального строительства и экономической интеграции в Азии в условиях конкуренции великих держав".

Для цитирования: Сухроб Р., Порошина Д. А. ШОС как гибридный институт в условиях полицентричного миропорядка // Известия Восточного института. 2025. № 1. С. 60–71. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2025-1/60-71>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2025-1/60-71>

The SCO as a Hybrid Institution in a Polycentric World Order

Rustami SUHROB

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, rustami.sukhrob@urfu.ru

Darya A. POROSHINA

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, dashasemenikhina2003@mail.ru

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the institutional specifics of the SCO through the prism of modern theories of international relations. The authors examine how the organization balances between the functions of ensuring regional security (fighting the "three threats"), developing economic cooperation (transport corridors, energy projects) and political interaction (support for multipolarity). Particular attention is paid to a comparative analysis of the SCO with such structures as NATO, the EU and the CSTO, which allows us to identify its unique role in the formation of alternative models of global governance. The results of the study demonstrate that the SCO does not strive for deep integration but effectively functions as a platform for flexible interaction in the context of polycentricity. The organization is an important element of the post-Western world order, offering alternative approaches to solving regional and global challenges. The prospects for the SCO are associated with further strengthening its role as a multifunctional institution capable of adapting to changing geopolitical realities, while maintaining the principles of sovereignty and multi-vectorality.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization, hybrid international institutions, post-Western world order, sovereignty and non-interference, regional security

The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation: project № 24–28–01710 "Processes of regional construction and economic integration in Asia in the context of competition between great powers".

For citation: Suhrob R., Poroshina D. A. The SCO as a Hybrid Institution in a Polycentric World Order. *Oriental Institute Journal*. 2025. No. 1. P. 60–71. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2025-1/60-71>

Не заключай союзов, если не знаешь планов соседей
Сун-Цзы

Введение

Современная международная система переживает глубокую трансформацию, обусловленную комплексом политических, экономических и социальных кризисов. Возвращение движения "Талибан" к власти в Афганистане в 2021 году ознаменовало не только крах западной модели государственного строительства, но и усиление нестабильности в Центральной Азии, что способствовало переформатированию региональных альянсов. Пандемия COVID-19, в свою очередь, ускорила переход к многополярной системе, обнажив уязвимость глобальных цепочек поставок и усилив протекционистские тенденции. Эти факторы способствовали переосмыслению принципов международного сотрудничества и безопасности.

Важным элементом новой геополитической реальности стало обострение региональных конфликтов, таких как Вторая Карабахская война (2020) и эскалация палестино-израильского противостояния в 2023 году. Эти кризисы продемонстрировали снижение влияния традиционных медиаторов (США, ЕС) и возросшую роль новых игроков, включая Турцию, Россию и страны Персидского залива. Специальная военная операция (с 2022 года) и последующие международные санкции стали катализатором перегруппировки мировой экономики, ускорив процессы дедолларизации и формирование альтернативных финансовых механизмов.

Ответом России на западные санкции стал разворот на Восток – стратегическая переориентация на сотрудничество с Китаем, Индией и другими азиатскими державами. Этот процесс не только меняет баланс сил в Евразии, но и способствует формированию новых экономических (БРИКС) и военно-политических союзов (ШОС и ОДКБ), укрепляя тем самым альтернативные центры силы в противовес однополярной модели международных отношений. Одновременно усиливается конкуренция между глобальными центрами силы, что ведет к фрагментации международного права и ослаблению универсальных институтов, таких как ООН.

В совокупности эти процессы свидетельствуют о становлении нового мирового порядка, характеризующегося усилением полицентричности, регионализацией экономик и ростом значения военной силы как инструмента политики. В условиях нарастающей конфронтации между Западом и незападными центрами власти ключевым вопросом становится способность международного сообщества выработать устойчивые механизмы управления кризисами.

Формирование новых типов международных институтов становится обязательным требованием современного полицентричного миропорядка. В условиях формирования "нового мирового порядка" Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) приобретает ключевую роль как платформа для координации западных центров силы, предлагая альтернативную модель многостороннего взаимодействия в сфере безопасности, экономики и политики. В условиях усиления санкционного давления на Россию и Китай, а также переформатирования глобальных цепочек поставок организация становится важным инструментом дедолларизации и создания альтернативных финансовых и логистических механизмов, что способствует формированию *новой архитектуры международных отношений*.

Цель исследования – выявить институциональные особенности ШОС как гибридной модели международного сотрудничества в условиях становления полицентричного миропорядка, а также проанализировать её роль в формировании альтернативных механизмов регионального управления. В работе предпринята попытка:

- 1) определить сочетание политических и военно-безопасностных функций ШОС в сравнении с классическими интеграционными структурами (ЕС, НАТО, ОДКБ);
- 2) раскрыть адаптивный потенциал организации через призму взаимодействия конкурирующих держав (Китай–Россия–Индия–Иран);

3) оценить перспективы ШОС как платформы для "мягкой" координации в условиях кризиса глобального управления.

Методологическая основа исследования

В рамках данного исследования применялся комплекс научных методов, объединяющий теоретические и эмпирические подходы. Методологическую базу составили:

- сравнительный анализ институциональных характеристик ШОС в сопоставлении с другими международными организациями (ЕС, НАТО, ОДКБ);
- концептуальный анализ через призму теорий международных отношений (неофункционализм, регионального комплекса безопасности);
- наблюдение за эволюцией организационной структуры и приоритетов ШОС;

Особое значение приобрел метод научной абстракции, позволивший визуализировать гибридную природу ШОС через создание концептуальной модели взаимодействия ее основных функциональных элементов.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) представляет собой сложный и многогранный региональный институт, который сочетает элементы различных теорий интеграции. Наиболее подходящими для её анализа являются *неофункционализм* – Эрнст Хаас [18] и *региональный комплекс безопасности* – Б. Бузан и Оле Вэвер [16].

Теория неофункционализма развивает идеи функционализма, вводя концепцию "перетекания" (spillover) — когда сотрудничество в одной области автоматически требует интеграции в других. Э. Хаас изучал Европейское объединение угля и стали (ЕОУС) как пример такого процесса. ШОС демонстрирует постепенное расширение сотрудничества из первоначально узкой сферы (безопасность) в экономику, культурно-гуманитарную (УШОС), инфраструктурные проекты (газопровод "Сила Сибири – 2", международный транспортный коридор "Север–Юг").

Теория регионального комплекса безопасности (РКБ) рассматривает региональные системы безопасности как отдельные структуры, где государства и негосударственные акторы взаимодействуют под влиянием общих угроз и взаимных восприятий. Согласно этой концепции, безопасность не сводится только к военной сфере, а включает политические, экономические и социальные аспекты. РКБ формируется, когда государства в определённом регионе начинают учитывать действия друг друга при разработке своей политики безопасности, что приводит к устойчивой динамике сотрудничества или конфликта. Важным элементом теории является идея "секьюритизации" – процесса, при котором определённые вопросы (например, миграция или энергетика) переводятся в разряд угроз безопасности, что оправдывает особые меры реагирования. ШОС изначально создавалась для решения вопросов безопасности (борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом), а затем расширила сферы взаимодействия. В отличие от некоторых интеграционных объединений, например, АСЕАН, который, несмотря на изначальную антикоммунистическую направленность, трансформировался в многоуровневую структуру с "тремя сообществами" (политической безопасности, экономическим и социально-культурным), ШОС сохраняет чёткую специализацию. Эта организация изначально создавалась как механизм политико-безопасного взаимодействия, где экономическая составляющая играет вспомогательную, а не интеграционную роль. Таким образом, ШОС нельзя отнести к классическим интеграционным объединениям – её суть заключается в координации безопасности с элементами экономического сотрудничества.

Шанхайская организация сотрудничества по сравнению с другими международными и региональными организациями мира имеет некоторые отличительные особенности:

1. *Особый акцент на безопасность и борьбу с "тремя силами зла"*. В отличие от Организации Североатлантического договора (НАТО), которая фокусируется на коллективной обороне, или Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), ориентированную на военное сотрудничество стран СНГ, ШОС изначально

создавалась для борьбы с "тремя угрозами": терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Критически важно понимать, что ШОС не является военным блоком и не предполагает автоматической взаимопомощи в случае агрессии на одного из участников организации (как в НАТО или ОДКБ);

2. *Уникальное сочетание участников.* В ШОС входят крупнейшие ядерные державы (Россия, Китай, Пакистан и Индия) и страны с быстрорастущей экономикой (Индия, Казахстан). Организация объединяет *незападные цивилизации* (китайскую, индийскую, исламскую, православно-славянскую), что делает её в некоторой степени если не альтернативой, то хотя бы дополнением к существующей системе международных институтов, предлагающим многополярный подход к глобальным вопросам. ШОС не стремится полностью заменить такие структуры (вероятнее всего, не сможет в ближайшем будущем), как ООН, НАТО или ЕС. В тоже время организация даёт странам-участницам альтернативную площадку для обсуждения безопасности самостоятельно от Запада, а также экономического взаимодействия в обход санкционного давления.

3. *Отсутствие идеологической или политической гегемонии.* В отличие от ЕС или НАТО, где доминируют западные ценности, ШОС не навязывает единую модель развития. Организация основана на принципах "шанхайского духа": равенство суверенитетов (с некоторыми отклонениями), невмешательство во внутренние дела, уважение разных политических систем. Вместе с тем КНР решительно продвигает экономическое сотрудничество (например, "Один пояс, один путь"). Отсутствует безапелляционное требование к демократии или рыночной экономике (как в ЕС или ОБСЕ).

4. *Экономическое сотрудничество без жесткой интеграции.* В отличие от ЕС, ШОС не создаёт наднациональных органов или единой валюты. Основные проекты – транспортные коридоры, энергетика, цифровая экономика ("Север-Юг", "Один пояс – один путь").

Хотя ШОС с момента основания демонстрировала амбициозные планы по расширению сотрудничества в различных сферах, её практические достижения остаются ограниченными. Формально организация эволюционировала от узкой военно-политической платформы к многостороннему сотрудничеству – были созданы экономические программы (включая долгосрочную стратегию до 2020 года), антитеррористические структуры (РАТС), а также налажены связи с ООН и АСЕАН [15]. Однако реальная глубина взаимодействия не соответствует заявленной широте целей. Например, несмотря на принятие в 2003 году программы по либерализации движения товаров и капиталов, зона свободной торговли в рамках ШОС так и не была создана. Даже в сфере безопасности, где ШОС наиболее активна, сотрудничество сводится преимущественно к совместным учениям и декларациям, а не к системной координации. Следовательно, при формальном расширении тематической повестки ШОС продолжает функционировать как консультативный форум с ограниченными возможностями реализации инициатив.

Приоритеты и интересы

Эволюция приоритетов и интересов **Китая** в рамках ШОС отражает динамику его внешнеполитической стратегии, сочетающей региональную безопасность с *экономической экспансией*. На начальном этапе (начало 2000-х) Пекин рассматривал организацию прежде всего как инструмент сдерживания угроз, исходящих из Центральной Азии: сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) и распространения исламского экстремизма. Ключевым достижением этого периода стало создание Региональной антитеррористической структуры (РАТС), позволившей Китаю легитимизировать свои действия в рамках многостороннего сотрудничества.

С середины 2000-х годов экономическая составляющая стала занимать всё большее место в китайской повестке ШОС. Инициативы вроде Экономического пояса Шёлкового пути (позднее интегрированного в проект "Один пояс – один путь") демонстрировали попытку трансформировать организацию в платформу для инфраструктурных и энергетических проектов. Однако ограниченность бюджетных

механизмов ШОС и конкуренция с российскими интересами в ЦА привели к тому, что Пекин стал делать ставку на двусторонние форматы, используя организацию преимущественно для символической поддержки своих инициатив.

В последнее десятилетие акцент сместился в сторону институционального влияния и мягкой силы. Китай активно продвигает идею *шанхайского духа* как альтернативы западным моделям управления, делая упор на принципы невмешательства и *многоскоростной интеграции*. При этом практическое вовлечение Китая в институциональные проекты ШОС (такие как формирование Банка развития ШОС или многосторонних инвестиционных фондов) остаётся крайне ограниченным, что свидетельствует о приоритете нормативно-дискурсивного влияния над реальной многосторонней кооперацией в рамках организации [10].

Российские стратегические интересы в ШОС претерпели существенную трансформацию, сместив акцент с вопросов региональной безопасности на формирование многополярной архитектуры международных отношений. Этот сдвиг отражает общую эволюцию внешнеполитической доктрины Москвы, которая все больше ориентируется на создание альтернативных центров глобального влияния. На начальном этапе (2001–2014 гг.) Москва рассматривала организацию прежде всего как инструмент противодействия террористическим угрозам на постсоветском пространстве и балансирования влияния США в Центральной Азии.

С 2014 года российские приоритеты в ШОС сместились в сторону экономической кооперации и транспортной интеграции, что было связано с первым разворотом на Восток и необходимостью преодоления последствий западных санкций (Присоединение Крыма к Российской Федерации). Москва активно продвигала проекты в энергетической сфере и транспортные коридоры, пытаясь использовать ШОС как платформу для создания альтернативных экономических связей. Однако ограниченные инвестиционные возможности организации и конкуренция с китайскими инициативами в рамках "Одного пояса - одного пути" существенно снизили эффективность этих усилий.

В текущей фазе (после 2022 года, СВО) российская политика в ШОС приобрела выраженный антизападный характер, превратив организацию в важный элемент стратегии построения *незападного* миропорядка. Акцент сместился на координацию позиций по глобальным вопросам, противодействие нелегитимным санкциям и продвижение альтернативных финансовых механизмов.

Участие в ШОС помогает России выстраивать стратегический баланс в отношениях с Китаем, избегая чрезмерной зависимости от Пекина. Организация дает Москве возможность укреплять партнерские связи с другими странами-участниками, продвигать новую государственную доктрину-концепцию "Глобальный Юг", тем самым и создавая альтернативные западным институтам механизмы сотрудничества.

В Концепции внешней политики Российской Федерации (2023) предполагается, что в целях содействия адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание "укреплению потенциала и повышению международной роли межгосударственного объединения БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Содружества Независимых Государств (СНГ), Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), РИК (Россия, Индия, Китай) и других межгосударственных объединений и международных организаций, а также механизмов с весомым участием России" [8]. Укрепление потенциала таких объединений, как БРИКС, ШОС, ЕАЭС и ОДКБ, позволяет России не только усиливать свои позиции в мировой политике, но и формировать многополярную систему международных отношений, альтернативную западным институтам.

Индия официально присоединилась к Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в 2017 году, что стало важным шагом в её политике расширения влияния в Центральной Азии. Как отмечало Министерство иностранных дел Индии, членство в ШОС позволяет стране углублять энергетическое сотрудничество с регионом, включая доступ к нефтегазовым ресурсам Казахстана и Узбекистана. В

пресс-релизе МИД Индии от 2017 года подчеркивалось, что участие в ШОС способствует реализации проектов, таких как МТК "Север – Юг", который сокращает логистические издержки и усиливает торговые связи. Как заявил индийский премьер-министр Наредра Модии на саммите "ШОС плюс" (с заявлением выступил глава МИД Джайшанкар), "в контексте необратимого становления многополярного миропорядка ШОС обретает новое стратегическое значение, но её практическая результативность напрямую зависит от качества многостороннего сотрудничества" [4].

Одновременное вступление Индии и Пакистана в ШОС в 2017 году вызвало оживлённые дискуссии как внутри организации, так и за её пределами, что объясняется многолетней напряжённостью между этими странами из-за нерешённого территориального спора вокруг Джамму и Кашмира, длящегося с 1947 года. Индо-пакистанский территориальный конфликт, не нашедший своего разрешения даже после интеграции обеих стран в организацию, а также серия китайско-индийских военных инцидентов (включая столкновение в Дунлане 18 июня 2017 г. и вооружённый конфликт в долине Галван 15 июня того же года) свидетельствуют о сохраняющихся глубоких противоречиях в рамках Шанхайской организации сотрудничества [2].

Несмотря на периодически обостряющиеся отношения, обе страны стали полноправными членами ШОС, что породило надежды на возможное смягчение конфликта в рамках организации, однако конкретные механизмы его урегулирования до сих пор не выработаны [1].

Несмотря на активное участие в ШОС, Индия избегает чрезмерного сближения с Китаем, особенно на фоне пограничных конфликтов в Гималаях. Индия отказалась от участия в Пекинском международном форуме "Один пояс — один путь" 14–15 мая 2017 года. Причиной стало включение в китайский проект китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), который проходит через спорные территории между Индией и Пакистаном. Это решение ещё больше обострило индийско-китайские отношения. Несмотря на отсутствие Индии, форум собрал представителей 28 стран, включая глав государств и правительств. Среди высокопоставленных участников были Генеральный секретарь ООН, а также руководители Всемирного банка и Международного валютного фонда [1].

Индия последовательно отстаивает в организации принцип консенсуса, не допуская доминирования Пекина. В то же время Москва поддерживает индийскую позицию по вопросам безопасности, что позволяет Дели сохранять баланс в рамках ШОС, не жертвуя собственными интересами.

Пакистан официально присоединился к ШОС в 2017 году, рассматривая организацию как инструмент усиления своего регионального влияния. Особое значение придавалось возможности диверсификации внешней политики: ШОС стала для Исламабада альтернативной площадкой, где он мог взаимодействовать с ключевыми игроками, не ограничиваясь отношениями с Вашингтоном.

Участие в ШОС позволило Пакистану усилить свой потенциал в борьбе с актуальными угрозами безопасности, включая противодействие транснациональному терроризму и радикальным идеологиям. В рамках организации Исламабад получил доступ к механизмам РАТС, что способствует более эффективной координации антитеррористической деятельности между странами-участницами [3].

Членство в ШОС предоставило Пакистану редкую возможность поддерживать диалог с Индией в многостороннем формате. Пакистан придает ключевое значение обеспечению паритетных отношений с Индией в рамках ШОС. Одновременное вступление обеих стран в организацию на равных условиях – с идентичными размерами взносов и сопоставимыми должностями в руководящих органах – в полной мере удовлетворило требования Исламабада по сохранению баланса статусов.

Пакистан неизменно придерживается курса на укрепление стратегического партнерства с Китаем, что особенно ярко проявляется в активном участии в проекте "Один пояс - один путь". Вхождение страны в ШОС стало закономерным этапом развития этого союза, демонстрирующим углубление двустороннего со-

трудничества. В рамках организации традиционная китайско-пакистанская связь продолжает развиваться, сохраняя свою особую динамику и значимость [14].

Политический курс Пакистана традиционно находится под значительным влиянием военного истеблишмента, что создает напряженность в отношениях с гражданскими властями. Военное руководство, продвигая собственные интересы, нередко оказывает поддержку радикальным группировкам. На сегодняшний день в стране действует 80 террористических организаций, большинство из которых признаны ООН запрещенными [19].

Геополитическое положение Пакистана осложняется протяженной границей с Афганистаном – центром наркопроизводства и террористической активности. Тем не менее, как отмечал экс-посол Пакистана в ООН Замир Акрам, страна готова к сотрудничеству с ШОС в антитеррористической сфере. Участие в Региональной антитеррористической структуре и особые отношения с Кабулом позволяют Исламабаду играть ключевую роль в обеспечении региональной стабильности. Приверженность борьбе с экстремизмом подтверждается и присоединением Пакистана к Шанхайской конвенции 2001 года [17].

Россия видит значительный стратегический потенциал в расширении ШОС через включение новых ключевых участников - Индии и Пакистана. Такой шаг полностью соответствует долгосрочным интересам Москвы по формированию устойчивой архитектуры безопасности и сотрудничества в рамках Большой Евразии. Особое значение придается вступлению Пакистана, которое позволит привлечь к работе организации всех значимых региональных игроков и создать более эффективные механизмы взаимодействия по афганской проблематике [9].

Иран официально присоединился к ШОС в 2023 году, видя в организации стратегическую платформу для преодоления международной изоляции и санкционного давления. Политика США, направленная на изоляцию Ирана и усиление санкционного давления, ограничила возможности Тегерана в осуществлении ключевых проектов. В этих условиях Иран был вынужден сместить акцент в сторону "восточного вектора" своей внешней политики, чтобы снизить зависимость от Запада. Фактически этот поворот стал реакцией на затяжной конфликт между двумя странами, длящийся с момента Исламской революции. В сложившихся условиях Иран был вынужден искать новых союзников и экономические возможности в восточном направлении. ШОС, включающая ключевые державы, такие как Китай и Россия, предлагает Тегерану механизмы для компенсации санкционных потерь. Именно поэтому вопрос о вступлении Ирана в ШОС приобрел стратегическое значение, а его окончательное принятие в организацию стало значимым политическим итогом. Членство позволяет Тегерану укрепить экономические связи с крупнейшими евразийскими игроками: Россией, Китаем и странами Центральной Азии, – включая доступ к новым транспортным коридорам и рынкам сбыта энергоресурсов. Организация позволяет Тегерану координировать позиции с Москвой и Пекином по ключевым международным вопросам. При этом Иран избегает полной зависимости от каких-либо партнеров, используя ШОС как один из инструментов гибкой многовекторной политики. Также ключевое значение для ШОС имеют географическое расположение, экономический потенциал, инфраструктура и транспортные возможности Ирана, которые способствуют транспортировке энергоресурсов, расширению торговли и обеспечению выхода к морю. Иран является важным перекрестком для транспортных коридоров, таких как проект "Один пояс, один путь" и МТК "Север – Юг", что делает его стратегическим партнером для ШОС [7].

Казахстан рассматривает ШОС как ключевую площадку для укрепления региональной стабильности и развития экономического сотрудничества. Основной интерес Астаны связан с обеспечением безопасности, включая борьбу с терроризмом, экстремизмом и наркотрафиком, особенно учитывая протяженную границу страны и соседство с нестабильными регионами. В стратегии "Казахстан-2050" подчеркивается ключевая роль участия республики в ШОС как одного из важнейших механизмов региональной безопасности наряду с ООН, ОБСЕ, ОДКБ и другими

структурами. Аналогичный акцент сделан в *Концепции внешней политики РК*, где среди приоритетов сотрудничества с ШОС выделяются: защита национальных интересов при принятии глобальных и региональных решений; укрепление международной безопасности через активное участие в многосторонних инициативах; развитие взаимовыгодного взаимодействия между региональными организациями для обеспечения стабильности. Через ШОС Казахстан координирует действия с партнерами по противодействию трём угрозам, участвует в совместных учениях и обменивается разведанными в рамках Региональной антитеррористической структуры ШОС (РАТС). В экономической сфере Казахстан использует ШОС для развития транспортно-логистического потенциала и привлечения инвестиций. Страна активно участвует в проектах китайской инициативы "Пояс и путь", продвигая свои транзитные коридоры как связующее звено между Европой и Азией. Членство в ШОС также позволяет Казахстану диверсифицировать внешнеполитические связи, балансируя между Россией, Китаем и Западом, и укреплять свои позиции как важного игрока в Центральной Азии [6, с.92].

Для **Узбекистана** ШОС служит важной платформой для укрепления региональной безопасности и развития экономического сотрудничества. Страна заинтересована в совместной борьбе с терроризмом, экстремизмом и наркотрафиком, особенно учитывая нестабильность в соседнем Афганистане. Через ШОС Ташкент также получает доступ к крупным инфраструктурным и транспортным проектам, включая китайскую инициативу "Пояс и путь", что способствует росту торговли и притоку инвестиций. Кроме того, участие в ШОС позволяет Узбекистану проводить сбалансированную многовекторную политику, выстраивая *равноправные* отношения с Россией, Китаем и другими странами-участницами без чрезмерной зависимости от какого-либо одного партнера. Важным связующим звеном для Ташкента считается Региональная антитеррористическая структура (РАТС) при ШОС. РАТС является ключевым рабочим органом организации, созданным в 2002 году для координации борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на пространстве ШОС. РАТС базируется в Ташкенте и занимается сбором и анализом информации, разработкой совместных оперативных мер, а также организацией антитеррористических учений и тренировок для спецслужб стран-участниц. Особое внимание уделяется противодействию радикальным группировкам в Центральной Азии, включая угрозы, исходящие из Афганистана [12].

Для **Таджикистана** ШОС представляет собой важный многосторонний инструмент, способствующий решению ключевых задач национального развития: укреплению региональной безопасности, экономическому росту, преодолению энергетической зависимости, улучшению транспортной связанности. Основной интерес Душанбе сосредоточен на совместной борьбе с террористическими угрозами и наркотрафиком из Афганистана, а также на укреплении охраны границ через сотрудничество с РАТС ШОС. Участие в организации дает Таджикистану доступ к современным технологиям безопасности и возможность координировать действия с силовыми структурами других стран-членов. В экономической сфере Таджикистан заинтересован в привлечении инвестиций из Китая и России через механизмы ШОС, особенно в инфраструктурные и энергетические проекты. Членство в организации помогает стране развивать транспортные коридоры, включая выход к китайской инициативе "Пояс и путь", что способствует росту торговли и транзитного потенциала [13].

Кыргызстан, как активный участник Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), преследует в рамках организации несколько ключевых интересов. Во-первых, республика заинтересована в укреплении региональной безопасности, включая борьбу с терроризмом, экстремизмом и наркотрафиком, что особенно актуально для страны, расположенной в нестабильном Центральноазиатском регионе. Во-вторых, Кыргызстан стремится развивать экономическое сотрудничество, привлекать инвестиции и расширять торговые связи с другими странами-членами ШОС, особенно в сферах энергетики, транспорта и сельского хозяйства.

Беларусь, долгое время участвовавшая в ШОС в качестве государства-наблюдателя, официально стала полноправным членом организации в 2024 году. В первую очередь Минск заинтересован в расширении торгово-экономического сотрудничества, доступа к новым рынкам сбыта, а также в привлечении инвестиций, особенно из Китая и других стран-участниц ШОС. Для Беларуси, сталкивающейся с западными санкциями, альтернативные экономические связи в рамках ШОС могут стать ключевым фактором снижения зависимости от европейского рынка и диверсификации внешней торговли. Участие в организации также позволяет Минску укреплять политический диалог с ключевыми игроками, такими как Россия и Китай, и балансировать между различными центрами силы в условиях геополитической напряженности [11].

ШОС обладает значительным потенциалом для влияния на формирование нового миропорядка, однако степень этого влияния будет зависеть от консолидации её участников и развития альтернативных глобальных институтов. Объединяя ключевые развивающиеся экономики (Китай, Индию, Россию) и стратегически важные регионы Центральной Азии, организация постепенно трансформируется из регионального объединения по безопасности в многополярную платформу. ШОС предлагает альтернативные модели экономического сотрудничества, включая дедолларизацию расчётов и принципы политического взаимодействия на основе "консенсуса без вмешательства". Успешная реализация инфраструктурных проектов в рамках сопряжения инициатив "Один пояс - один путь" и евразийских программ, а также создание параллельных финансовых механизмов (Банк развития ШОС) усиливают её экономическое влияние. Однако для глобального реформирования порядка ШОС потребуются преодолеть внутренние разногласия между членами, в частности индийско-китайские противоречия по вопросам безопасности. Организации также необходимо выработать единую позицию по ключевым международным вызовам для усиления своей роли в мировой политике.

Многие эксперты отмечают важность определения краеугольного камня, объединяющего стран-участниц ШОС. По мнению бывшего генерального секретаря ШОС Иманалиева М., такой основой вряд ли может стать антиамериканизм, тогда как борьба с религиозным экстремизмом и терроризмом может быть более вероятным фактором. Однако о создании единого экономического пространства, подчёркивает он, речи не идёт. Организации необходима новая концепция развития, принципиально отличающаяся от нынешней. Одна из ключевых проблем — взаимодействие ШОС с ЕАЭС и её роль в Экономическом поясе Шелкового пути (ЭПШП). Хотя ШОС обладает потенциалом стать значимым партнёром, ЕАЭС, усиливший сотрудничество с Китаем, может в ней не нуждаться. Чтобы сохранить влияние в "Большой Евразии", ШОС должна активнее участвовать в совместных проектах с ЕАЭС и другими объединениями. Однако интеграция осложняется разными приоритетами: ЕАЭС фокусируется на экономике, а ШОС включает и политические аспекты, такие как безопасность. Это может создать институциональные и политические вызовы [5].

Геополитическая задача обуславливается первым важным событием, повлиявшим на расширение ШОС – активным проектированием евразийского пространства. Подразумевает это под собой создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС), инициирование "Экономического пояса Шёлкового пути" (ЭПШП) и концепцию "сшивки" Большой Евразии, которая объединяет ШОС, ЕАЭС, ЭПШП, а также АСЕАН. Все представленные инициативы подчеркивают стремление к интеграции и сотрудничеству на евразийском континенте. Прием Индии, Пакистана и Ирана в ШОС должно привести в ближайшем будущем к значительному укрупнению организации и расширению её геополитического ресурса. Вступление Индии в ШОС усиливает значение тройки Россия-Индия-Китай. Консенсус между этими тремя странами становится актуальным для эффективного функционирования организации. В данном контексте возникает вопрос о том, сможет ли Россия выступить в роли медиатора между Китаем и Индией, если учитывать существующие противоречия между этими государствами.

Заключение

Проведенный анализ свидетельствует, что ШОС представляет собой уникальный формат межгосударственного взаимодействия, который не подпадает под традиционные классификации международных организаций. В отличие от ЕС или ЕАЭС, ШОС не формирует институтов глубокой экономической интеграции (общий рынок, единая валюта, гармонизация законодательства), однако активно развивает практическое сотрудничество в транспортно-логистической сфере (инициатива "Пояс и путь"), энергетике и локализованных торговых соглашениях.

В военно-политическом измерении ШОС демонстрирует принципиальные отличия от НАТО и ОДКБ: отсутствие общего оборонного договора или единого командования компенсируется координацией в сфере антитеррористической деятельности (учения "Мирная миссия"), противодействия экстремизму и киберугрозам. При этом организация не позиционирует себя как антизападный альтернативный блок, несмотря на декларируемую приверженность идеям многополярности и суверенитета.

Ключевая институциональная особенность ШОС заключается в её гибридной природе, сочетающей: функции безопасности – борьба с "тремя угрозами": терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом; экономическую повестку – инфраструктурные мегапроекты, энергетическая кооперация; политическую координацию – согласование позиций в ООН, критика унилатерализма; гуманитарное измерение (сетевой Университет ШОС, культурные обмены).

Наряду с этим гибридная модель организации содержит существенные противоречия. Отсутствие четких механизмов разрешения споров между членами (например, китайско-индийских, пакистано-индийских, таджикско-кыргызских пограничных конфликтов) подрывает её потенциал как полноценного регулятора безопасности. Более того, декларируемый принцип "консенсуса без интервенции" фактически консервирует существующие противоречия, превращая организацию в площадку для ритуальной дипломатии, а не эффективного управления региональными процессами.

Гибкость ШОС оборачивается институциональной слабостью при столкновении с системными вызовами. Отсутствие единой позиции по афганскому кризису и приходу "Талибан" 2021 и Специальная военная операция (СВО) 2022 года продемонстрировало неспособность организации вырабатывать оперативные решения. Растущий дисбаланс между экономическим влиянием Китая и политическим весом России создает риски трансформации ШОС в инструмент реализации интересов Пекина под прикрытием "многополярной риторики". В перспективе это может привести к маргинализации организации. Парадоксально, но сама *гибридность* ШОС, являясь её силой в стабильных условиях, становится уязвимостью в периоды турбулентности, когда требуются четкие механизмы коллективного действия.

Литература

1. Брагина Е. А. Индия и Пакистан стали членами ШОС // Институт мировой экономики и международных отношений РАН. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/indiya-i-pakistan-stali-chlenami-shos?ret=527> (дата обращения: 03.05.2025).
2. Ван Ченшэн, Ван Шучунь, Салихов Г. Г. Анализ создания механизма урегулирования внутренних споров ШОС // Международное право и международные организации. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sozdaniya-mehanizma-uregulirovaniya-vnutrennih-sporov-shos> (дата обращения: 03.05.2025).
3. Замараева Н. А. Итоги первых лет участия Пакистана в ШОС / Н. А. Замараева // ШОС в системе безопасности в Евразии: проблемы многостороннего взаимодействия / Институт Дальнего Востока Российской академии наук. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2020. С. 221–235.
4. Индийский премьер: важность ШОС в реалиях многополярности будет расти // Российская газета. 2024. 4 июля. URL: <https://rg.ru/2024/07/04/indijskij-premer-vazhnost-shos-v-realiiah-mnogopoliamnosti-budet-rasti.html> (дата обращения: 03.05.2025).
5. Иманалиев М. ШОС нуждается в новой концепции развития // Валдай. Международный дискуссионный клуб. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/shos-novaya-kontseptsiya-razvitiya/> (дата обращения: 03.05.2025).

ния: 10.12.2024).

6. Исламова А. Т. Взаимодействие Китайской Народной Республики и Республики Казахстан в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества // Хабаршы Вестник Bulletin. С. 92.

7. Карамиджахангир. Стратегическая роль Ирана для ШОС: укрепление евразийской интеграции // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskaya-rol-irana-dlya-shos-ukreplenie-evraziyskoy-integratsii> (дата обращения: 05.04.2025).

8. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229) // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 02.04.2025).

9. Курьев К. П., Баранник М. А., Станис Д. В. ШОС как несущий элемент конструкции большой Евразии // Постсоветские исследования. 2020. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shos-kak-nesushiy-element-konstruktsii-bolshoy-evrazii> (дата обращения: 04.05.2025).

10. Минск предложил активизировать работу по созданию Банка развития ШОС // ТАСС. 2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/22132671> (дата обращения: 03.05.2024).

11. Мойсак О. И. Белорусская дорога в ШОС: возможности, риски, перспективы // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2023. № 6-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/belorusskaya-doroga-v-shos-vozmozhnosti-riski-perspektivy> (дата обращения: 05.04.2025).

12. Рахимов М. А., Рахимов С. Ключевые сферы взаимодействия Узбекистана с СНГ и ШОС // Постсоветские исследования. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-sfery-vzaimodeystviya-uzbekistana-s-sng-i-shos> (дата обращения: 05.04.2025).

13. Хадыров Равшан Юнусович. О роли Таджикистана в создании и функционировании институтов Шанхайской Организации Сотрудничества // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-tadzhikistana-v-sozdani-i-funktsionirovanii-institutov-shanhayskoy-organizatsii-sotrudnichestva> (дата обращения: 05.04.2025).

14. Шанхайская организация сотрудничества. Справка // Zakon.kz. 2006. 15 июня. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30058784&pos=16;-22#pos=16;-22 (дата обращения: 23.03.2025).

15. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС, the Shanghai Cooperation Organization) // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 2004. 13 января. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zl/ce_ceml_chn/shhzzmscc/200401/t20040113_878861.html (дата обращения: 23.03.2025).

16. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 588 p.

17. Explainer: What joining SCO means for Pakistan. URL: <https://www.dawn.com/news/1338546> (дата обращения 03.05.2025).

18. Haas E. B. The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces, 1950–1957. Stanford: Stanford University Press, 1958. 552 c.

19. South Asia Terrorism Portal. Terrorist Groups in Pakistan / South Asia Terrorism Portal. URL: <https://www.satp.org/terrorist-groups/pakistan> (дата обращения: 03.05.2024).

References

1. Bragina E. A. India and Pakistan became members of the SCO // Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/indiya-i-pakistan-stali-chlenami-shos?ret=527> (date of access: 03.05.2025).

2. Wang Chensheng, Wang Shuchun, Salikhov G. G. Analysis of the creation of a mechanism for settling internal disputes of the SCO // International Law and International Organizations. 2021. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sozdaniya-mehanizma-uregulirovaniya-vnutrennih-sporov-shos> (date of access: 03.05.2025).

3. Zamaraeva N. A. Results of the first years of Pakistan's participation in the SCO / N. A. Zamaraeva // SCO in the security system in Eurasia: problems of multilateral interaction / Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. – Moscow: Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 2020. P. 221–235.

4. Indian Prime Minister: the importance of the SCO in the realities of multipolarity will grow // Rossiyskaya Gazeta. - 2024. - July 4. URL: <https://rg.ru/2024/07/04/indijskij-premer-vazhnost-shos-v-realiiah-mnogopoliiarnosti-budet-rasti.html> (accessed 03.05.2025).

5. Imanaliev M. SCO needs a new development concept // Valdai. International Discussion Club. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/shos-novaya-kontseptsiya-razvitiya/> (date of access: 12/10/2024).

6. Islamova A. T. Interaction of the People's Republic of China and the Republic of Kazakhstan within the Framework of the Shanghai Cooperation Organization // Khabarsh Bulletin. P. 92.

7. Karami Jahangir. Iran's Strategic Role for the SCO: Strengthening Eurasian Integration // RUDN Bulletin. Series: International Relations. 2023. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskaya-rol-irana-dlya-shos-ukreplenie-evraziyskoy-integratsii> (date of access: 04/05/2025).

8. The Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023, No. 229) // Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the

Russian Federation. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (date of access: 02.04.2025).

9. Kurylev K. P., Barannik M. A., Stanis D. V. SCO as a supporting element of the structure of Greater Eurasia // *Post-Soviet studies*. 2020. No. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shos-kak-nesuschiy-element-konstruktsii-bolshoy-evrazii> (date of access: 04.05.2025).

10. Minsk proposed to intensify work on the creation of the SCO Development Bank // TASS. 2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/22132671> (date of access: 03.05.2024).

11. Moiseyev O. I. Belarusian road to the SCO: opportunities, risks, prospects // *Greater Eurasia: development, security, cooperation*. 2023. No. 6-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/beloruskaya-doroga-v-shos-vozmozhnosti-riski-perspektivy> (date of access: 05.04.2025).

12. Rakhimov M. A., Rakhimov S. Key areas of interaction between Uzbekistan and the CIS and the SCO // *Post-Soviet studies*. 2023. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-sfery-vzaimodeystviya-uzbekistana-s-sng-i-shos> (accessed 05.04.2025).

13. Khadyrov Ravshan Yunusovich. On the role of Tajikistan in the creation and functioning of the institutions of the Shanghai Cooperation Organization // *Social and humanitarian knowledge*. 2023. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-tadzhikistana-v-sozdanii-i-funktsionirovanii-institutov-shanhayskoy-organizatsii-sotrudnichestva> (accessed 05.04.2025).

14. Shanghai Cooperation Organization. Reference // *Zakon.kz*. 2006. June 15. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30058784&pos=16;-22#pos=16;-22 (date of access: 23.03.2025).

15. The Shanghai Cooperation Organization (SCO) // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2004. January 13. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zt/ce_ceml_chn/shhzzzmscd/200401/t20040113_878861.html (accessed 23.03.2025).

16. Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 588 p.

17. Explainer: What joining SCO means for Pakistan. URL: <https://www.dawn.com/news/1338546> (accessed 03.05.2025).

18. Haas E. B. *The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces, 1950–1957*. Stanford: Stanford University Press, 1958. 552 p.

19. South Asia Terrorism Portal. Terrorist Groups in Pakistan / South Asia Terrorism Portal. URL: <https://www.satp.org/terrorist-groups/pakistan> (accessed 03.05.2024).

Рустами СУХРОБ, канд. полит. наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, e-mail: rustami.sukhrob@urfu.ru

Дарья Алексеевна ПОРОШИНА, студентка, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, e-mail: dashasemenikhina2003@mail.ru

Rustami SUHROB, Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, e-mail: rustami.sukhrob@urfu.ru

Darya A. POROSHINA, student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, e-mail: dashasemenikhina2003@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 25.04.2025

Одобрена после рецензирования
(Approved) 12.05.2025

Принята к публикации
(Accepted) 23.06.2025